

Сказка Туве Янссон " Волшебная зима " Глава шестая - Первая весна

После первой весенней бури в долину пришли беспокойство и перемены. Гости еще сильнее затосковали по дому. Один за другим отправлялись они в путь, чаще всего ночью, когда снежный наст твердый и по нему легче было идти. Кое-кто смастерил себе лыжи, и каждый захватил на дорогу хотя бы маленькую баночку с вареньем. Уходившие последними поделили между собой банку клюквенного варенья.

Вот и самые последние гости перешли мост, и погреб с вареньем совсем опустел.

– Теперь мы остались вдвоем, – сказала Туу-тики, – ты, я да малышка Мю. А все таинственные, загадочные существа спрятались до следующей зимы.

– Я так и не разглядел того, с серебристыми рогами, – вздохнул Муми-тролль. – И тех малюток с длинными ногами, которые скользили по льду. Или то черное с необычайно огромными глазами, что перелетело через костер.

– Их царство – зима, – объяснила Туу-тики. – Разве ты не видишь, что скоро наступит весна?

Муми-тролль покачал головой.

– Еще рано. Я не узнаю ее, – сказал он.

Но Туу-тики вывернула наизнанку свою красную шапочку – подкладка ее оказалась нежно-голубой.

– Я всегда выворачиваю наизнанку шапочку, когда нос мой чувствует весну, – проговорила она. И, усевшись на крышку колодца, запела примерно так:

Я – Туу-тики,
чую носом теплые ветры.
Теперь налетят великие бури.
Теперь понесутся грохочущие лавины.
Теперь я переверну всю землю,
так что все станет по-другому,
и все смогут снять шерстяные вещи
и положить их в шкаф.

Однажды вечером Муми-тролль возвращался из купальни и вдруг замер посреди дороги и наострил уши.

Стояла обычная, теплая ночь, полная трепета и шорохов. Деревья давно стряхнули с себя снег, и Муми-тролль слышал, как колышутся в темноте их ветви.

Издалека, с юга, налетел сильный порыв ветра. Муми-тролль почувствовал, как ветер с шумом промчался мимо него по лесу к противоположному склону горы.

Каскад водяных капель обрушился с деревьев вниз в темнеющий снег, и Муми-тролль, подняв нос, принялся.

Может, это был запах земли. Муми-тролль пошел дальше, уже зная, что Туу-тики права: в самом деле наступает весна.

Впервые за долгое время Муми-тролль внимательно посмотрел на своих спящих папу и маму. Он подержал лампу и над Фрекен Снорк, задумчиво разглядывая ее челку, которая блестела при свете лампы. Фрекен Снорк действительно была очень мила. Как только она проснется, она тут же кинется к шкафу и вытащит свою зеленую весеннюю шляпу. Так она делала всегда.

Муми-тролль поставил лампу на выступ изразцовой печи и оглядел гостиную. Комната, по правде говоря, выглядела ужасно. Много вещей было раздарено, взято на время или попросту украдено каким-нибудь легкомысленным гостем.

А те вещи, что еще остались, находились в невообразимом беспорядке. Кухня была завалена немытой посудой. Огонь в печи парового отопления угасал, потому что кончились дрова. Погреб с вареньем опустел. Оконное стекло было разбито.

Муми-тролль погрузился в раздумье.

С крыши дома начал медленно сползать мокрый снег. И когда он падал, раздавался грохот. В верхней части окошка, выходившего на юг, внезапно появился клочок пасмурного ночного неба.

Подойдя к парадной двери, Муми-тролль потрогал ее. Ему показалось, что она чуть-чуть подалась. Тогда, упершись лапами в пол, он стал толкать ее изо всех сил.

Медленно, медленно, отодвигая огромные снежные сугробы, входная дверь отворялась.

Муми-тролль не сдавался – и вот дверь распахнулась навстречу ночи. Ветер ворвался прямо в гостиную. Он смел пыль с люстры, окутанной тюлем, взметнул золу в печи. Потом чуть приподнял глянцевые картинки, крепко приклеенные к стенам. Одна из них отклеилась и вылетела за дверь.

В комнате стоял запах ночи, хвойного леса, и Муми-тролль подумал: "Вот хорошо! Надо время от времени проветривать своих родственников".

Выйдя на крыльцо, он стал вглядываться во влажную мглу.

– Теперь у меня есть все, – сказал Муми-тролль самому себе. – Весь год в моем распоряжении. И зима тоже. Я первый в мире муми-тролль, который прожил, не погрузившись в зимнюю спячку, целый год.

Собственно говоря, тут бы и следовало завершить эту зимнюю сказку. Рассказ о первой весенней ночи и о ветре, ворвавшемся в гостиную, в своем роде эффектная концовка. А там придумывай себе на свободе, что было дальше. Но на самом деле это означало бы самый обыкновенный самообман.

Разве можно наверняка знать наперед, что скажет например, мама, когда проснется? И останется ли предок муми-троллей в изразцовой печи? И успеет ли вернуться Снусмумрик до того, как будет написана последняя страница этой книги? И расстроится ли Мюмла, лишившись картонной коробки? И где будет жить Туу-тики, когда купальня снова станет купальной? И еще останется выяснить множество других вещей.

Так что, пожалуй, правильной всего продолжить рассказ.

Ну, а самое главное – это ледоход; такое замечательное событие обойти никак нельзя.

И вот наступил таинственный месяц. Он принес яркие солнечные дни, капель с крыш, ветры и мчащиеся тучи, лютую стужу по ночам, твердый снежный наст и ослепительный лунный свет. Муми-тролль бежал по долине вне себя от гордости и ожидания.

Пришла весна, но вовсе не такая, какую он себе представлял. Вовсе не та весна, что освободила его от чуждого и враждебного мира, а весна – естественное продолжение того нового и удивительного, что он преодолел и с чем сумел освоиться.

Муми-тролль надеялся, что весна – будет долгой и он сможет сохранить чувство ожидания как можно дольше. Каждое утро он почти боялся величайшего чуда – а вдруг кто-то из его семейства проснется.

Он осторожно передвигался по гостиной, боясь на что-нибудь наткнуться. А потом мчался в долину, вдыхал новые запахи и смотрел, что случилось за это время.

С южной стороны дровяного сарая начал оголяться клочок земли. Березки оделись нежной красноватой дымкой, видной только на расстоянии. Солнце припекало сугробы, которые стали совсем прозрачными и потрескивали, точно стекло. А лед потемнел, словно сквозь него просвечивала морская синева.

Малышка Мю по-прежнему каталась на самодельных коньках – всюду, где еще можно было кататься. Вместо крышек от банок она приспособила к ботинкам поставленные ребром кухонные ножи.

Муми-тролль видел даже восьмерки, которые она выписывала своими коньками, но саму малышку Мю никогда не встречал.

Она всегда обладала способностью развлекаться одна, и что бы она ни думала о весне и как бы она ей ни нравилась, у малышки Мю не было ни малейшего желания высказываться по этому поводу.

Туу-тики занималась весенней уборкой в купальне.

Она дочиста выскребла все красные и зеленые оконные стекольца, чтобы первой весенней мухе было приятно сесть на них, она развесила на солнце купальные халаты и пыталась починить резинового хемуля.

– Теперь купальня станет снова купальной, – сказала она. – Чуть позднее, когда наступит тепло и все зазеленеет, ты будешь лежать на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

нагретых солнцем мостках купальни и слушать, как волны плещутся о берег...

– Почему ты не говорила об этом зимой? – спросил Муми-тролль. – Это утешило бы меня. Я сказал: "Здесь росли яблоки". А ты ответила: "Теперь здесь растёт снег". Разве ты не поняла, что я сразу захандрил?

Туу-тики пожалала плечами.

– Нужно доходить до всего своим умом, – сказала она, – и переживать все тоже одному.

Солнце припекало все жарче.

Оно пробуравило небольшие ямки и каналы во льду, и море подо льдом, волнуясь, стремилось вверх.

По ночам Муми-тролль слышал, как в спящем доме что-то щелкает и трещит.

Предок не подавал признаков жизни. Он закрыл за собой печные вьюшки и, быть может, перенёсся в другие времена, те, что были тысячу лет назад. Шнурок от вьюшки вместе с кисточкой, бисером и прочей роскошью исчез в щелке между изразцовой печью и стеной.

"Шнурок ему понравился", – подумал Мумитролль. Теперь он уже больше не спал в корзине с древесной стружкой, а перебрался на свою собственную кровать. По утрам солнце все глубже и глубже заглядывало в гостиную, удивленно освещая паутину и хлопья пыли. Самые крупные, сбившиеся в клубок хлопья Муми-тролль выносил на веранду, а мелким и легким позволял кататься взад-вперед как им вздумается.

В полдень земля под окном, выходящим на юг, нагрелась. В глубине ее зашевелились коричневые луковицы цветов и крохотные корни растений, которые жадно впитывали тающий снег.

А однажды ветреным днем, до того, как наступить сумеркам, послышался сильный и величественный грохот в открытом море.

– Ага, – сказала Туу-тики, ставя чашку с чаем на стол. – Вот и весенняя канонада.

Лед медленно вздыбился, и снова раздался грохот.

Муми-тролль выскочил из купальни и стоял, прислушиваясь, на теплом ветру.

– Посмотри, вот наступает море, – сказала за его спиной Туу-тики.

Далеко-далеко в море шипели белопенные волны, сердитые, голодные, поглощавшие одну за другой глыбы зимнего льда.

Но вот ближе к берегу лед раскололся, черные трещины разбежались в разные стороны, а потом исчезли из виду. Море вздыбилось снова. И снова по льду разбежались трещины. Они становились все шире и шире.

– А я знаю кого-то, кто очень спешит, – сказала Туу-тики.

Конечно, это была малышка Мю. Без нее уж было никак не обойтись. Она наверняка заметила: что-то происходит, и ей нужно было все как следует разглядеть даже там, где море очистилось ото льда. Она подкатила к самому краю льдины и выписала лихую восьмерку у самого рокочущего моря.

Затем, повернувшись, быстро помчалась по треснувшим льдинам.

Сначала трещины были совсем тонкими. Но они уже издали предупреждали: "Опасно".

Лед вздымался и опускался, а порой раздавался настоящий празднично-разрушительный салют, от которого по спине восхищенной малышки Мю пробежал холодок.

"Только бы эти болваны не вздумали выйти на лед спасти меня, – подумала она. – Они только испортят мне праздник".

Она помчалась так, что кухонные ножи чуть не сплющились, но берега все равно не было видно.

Теперь трещины расширились и превратились в реки. На лед плеснула маленькая сердитая волна.

Внезапно море наполнилось качающимися ледяными островками, беспорядочно ударявшимися друг о друга. На одном из таких островков застряла малышка Мю. Она видела, как полоса воды вокруг нее все расширяется, и, не очень-то испугавшись, подумала: "Вот так хорошенькая история!"

Муми-тролль тут же ринулся ее спасать.

А Туу-тики, поглядев еще немного, пошла в купальню и поставила воду на огонь. "Да, да, – думала она, вздыхая. – Вот так бывает всегда в приключенческих повестях. Все только и делают, что спасают друг друга и спасаются сами. Хотела бы я, чтобы кто-нибудь когда-нибудь написал о той, кто пытается потом согреть героев".

Муми-тролль бежал по льдине, а рядом с ним, не отставая ни на шаг, бежала маленькая трещина, с которой он не спускал глаз. Муми-тролль чувствовал: в море поднялась мертвая зыбь, и льдина вздыбилась, потом она треснула и начала качаться.

Малышка Мю спокойно стояла на своем ледяном островке, разглядывая прыгающего по льдине Мумитролля.

Он был похож на подскакивающий резиновый мячик, а глаза у него от любопытства и напряженного ожидания были круглые, словно шарики. Когда он остановился возле малышки Мю, она, протянув к нему лапку, сказала:

– Посади меня к себе на голову, чтоб я могла поскорее соскочить, когда увижу, что ты гибнешь.

Крепко схватив его за уши, она закричала:

– К берегу, поворот!

Муми-тролль бросил быстрый взгляд в сторону купальни. Из трубы вился дымок, но никто не стоял на мостках причала и никто не беспокоился о них с Мю. Муми-тролль помедлил минутку, чувствуя, как от разочарования у него внезапно устали ноги.

– Полный вперед! – опять закричала малышка Мю.

И, стиснув зубы. Муми-тролль устремился вперед. Ноги у него дрожали от усталости, и всякий раз, перескакивая на новую льдину, он чувствовал, как вода холодным душем окатывала ему живот. Но он бежал и бежал.

Море вскрылось ото льда, и волны танцевали вальс.

– Подпрыгивай вместе с волнами, – разорялась малышка Мю. – Вот еще одна волна... Ты чувствуешь ее под ногами... Прыг!

И как раз в ту минуту, когда волна медленно выбивала льдину из-под ног Муми-тролля, он прыгал на другую.

– Раз, два, три, – считала в ритме вальса малышка Мю. – Раз, два, три, погоди – раз, два, три. Прыг!

Его ноги дрожали, а живот и грудь совсем похолодели. Внезапно пасмурное небо прорезали багряные лучи заходящего солнца, а лед и волны заблестели так, что глазам стало больно. Спина Муми-тролля нагрелась, но живот его мерз все сильнее, и весь этот суровый мир танцевал вместе с ним вальс.

Из окошка купальни за ними внимательно следила Туу-тики и вот теперь поняла: дело плохо.

"Ай, ай, – подумала она. – Ведь он не знает, что я все время наблюдаю за ним..."

Туу-тики поспешила на мостки причала и крикнула:

– Bravo!

Она чуть было не опоздала.

Муми-троллю не удалось на этот раз перепрыгнуть на новую льдину, и он упал, по уши погрузившись в море, и маленькая веселая льдинка неустанно толкала его в затылок.

Отпустив уши Муми-тролля, малышка Мю прыгнула на берег. Гоп-ля! Удивительно, до чего легко со всем справляешься, если тебя зовут Мю!

– Держи! – сказала Муми-троллю Туу-тики, протянув ему свою крепкую лапку. Она лежала животом вниз на стиральной доске Муми-мамы и смотрела в его взволнованные глаза. – Так, так... – сказала она.

Туу-тики медленно вытащила его на край льдины. Он вскарабкался на берег и сказал:

– Ты даже не вышла посмотреть...

– Я видела тебя в окошко, – огорченно сказала Туу-тики. – А теперь иди в купальню и согрейся.

– Нет, я пойду домой, – ответил Муми-тролль.

Встав на ноги, он, ковыляя, отправился к дому.

– А подогретый сок?! – закричала ему вслед Туутики. – Не забудь выпить чего-нибудь теплого!

Дорога была мокрой от тающего снега, и Мумитролль ступал на корни деревьев и хвойные иголки; его трясло от холода, а ноги по-прежнему противно дрожали.

Он едва повернул голову, когда прямо перед ним перебежал дорожку маленький бельчонок.

– Счастливой весны! – рассеянно сказал бельчонок.

– Не очень-то она счастливая! – ответил Мумитролль и пошел дальше.

Вдруг он резко остановился и уставился на бельчонка. У бельчонка был длинный пушистый хвостик, блестящий в лучах заходящего солнца.

– Это тебя зовут – бельчонок с хорошеньким хвостиком? – медленно спросил Муми-тролль.

– Ясное дело, меня! – ответил бельчонок.

– Так это ты! – воскликнул Муми-тролль. – Это и вправду ты? Тот, что повстречал Ледяную деву?

– Не помню, – сказал бельчонок. – Ты ведь знаешь, я такой забывчивый.

– Постарайся вспомнить, – умолял бельчонка Муми-тролль. – Разве ты не помнишь хотя бы тот уютный матрасик с клочьями шерсти?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Почесав себя за ушком, бельчонок задумался.

– Я помню много всяких разных матрасиков, – сказал он, – с клочьями шерсти и без них. Лучше клочьев шерсти я не знаю ничего.

И бельчонок беспечно поскакал дальше в лес.

"Ну, это надо будет выяснить позднее, – подумал Муми-тролль. – Мне сейчас слишком холодно, мне надо домой..."

И он чихнул, так как впервые в жизни сильно простудился.

Котел парового отопления в погребе остыл, и в гостиной было очень холодно.

Дрожащими лапами Муми-тролль накладывал на живот и грудь один коврик за другим, но никак не мог согреться. Ноги болели, в горле саднило. Жизнь внезапно стала такой горестной, а мордочка казалась чужой и слишком большой. Муми-тролль попытался свернуть свой холодный как лед хвост, но тут он снова чихнул.

И тогда его мама проснулась.

Она не слыхала залпов канонады во время ледохода, не слыхала она и снежного бурана, завывавшего в изразцовой печи. Ее дом был полон шумных гостей, а будильники звонили всю зиму, так ни разу и не разбудив ее.

Теперь же она открыла глаза и, окончательно проснувшись, посмотрела в потолок.

Потом, усевшись на кровати, она сказала:

– Ну вот, ты и простудился.

– Мама, – стуча зубами, ответил Муми-тролль, – если б я только был уверен в том, что это тот самый бельчонок, а не какой-нибудь другой.

Мама тут же направилась в кухню подогреть сок.

– Там грязная посуда! – несчастным голосом закричал Муми-тролль.

– Ничего, – сказала мама. – Все уладится.

Она нашла несколько поленьев за помойным ведром. А из своего потайного шкафа вытащила смородиновый сок, какой-то порошок и фланелевый шейный платок.

Когда вода закипела, она смешала порошок – сильное средство от простуды – с сахаром, имбирем и ломтиками высушенного лимона, который лежал за грелкой для кофейника, почти на самой верхней полке.

Но грелки для кофейника теперь уже больше не было. Не было даже кофейника. Однако Муми-мама этого не заметила. На всякий случай она пробормотала маленький волшебный стишок над лекарством от простуды. Стишку этому она выучилась у своей бабушки, маминной мамы. Потом она пошла в гостиную и сказала:

– Выпей лекарство, пока оно теплое.

Муми-тролль выпил лекарство, и нежное тепло заструилось в его промерзший живот.

– Мама, – сказал он. – Я должен тебе столько всего объяснить...

– Сначала ты должен выспаться, – прервала его мама, обмотав ему вокруг шеи фланелевый платок.

– Только одно, – сонно сказал он. – Обещай, что ты не затопишь печь, там живет наш предок.

– Конечно, не затоплю, – ответила мама.

Внезапно ему стало совсем тепло, и он почувствовал, что спокоен и ни за что больше не должен отвечать. Тихонько вздохнув, он зарылся носом в подушку. И тут же уснул, забыв обо всем на свете.

Мама сидела на веранде и жгла киноленту увеличительным стеклом. Лента дымилась и горела, а едкий приятный запах щекотал маме нос.

Солнце было жарким, так что от мокрой веранды шел пар, но в тени за крыльцом стоял ледяной холод.

– Вообще-то надо бы просыпаться чуть раньше по весне, – заметила мама.

– Это так правильно! – согласилась с ней Туу-тики. – Он еще спит?

Мама кивнула.

– Ты бы видела, как он прыгал по льдинам! – гордо сказала малышка Мю. – Это он-то, который прохныкал ползими и приклеивал к стенам глянцевые картинки.

– Знаю, я их видела, – ответила мама. – Наверно, ему было страшно одиноко.

– А потом он пошел и отыскал какого-то древнего предка, – продолжала малышка Мю.

– Пусть сам расскажет все, когда проснется, – решила Муми-мама. – Вижу, здесь произошло немало событий, пока я спала.

С кинолентой было уже покончено, а кроме того, мама умудрилась вычечь на веранде круглую черную дыру.

– Следующей весной я должна проснуться раньше всех, – повторила мама. – Чтобы пожить немного спокойно и делать все, что захочется.

Когда Муми-тролль наконец проснулся, горло у него больше не болело.

Он увидел, что мама сняла с люстры тюлевый чехол и повесила занавески. Мебель стояла на своих прежних местах, а вместо разбитого стекла был вставлен лист картона. Все хлопья пыли исчезли.

Но хлам, который предок набросал возле печки, лежал нетронутым. На красочном плакате мама написала: "Трогать запрещается!"

Из кухни доносился успокаивающий звон посуды, которую мыла мама.

"Рассказать ей о том, кто живет под кухонным столиком? – подумал Муми-тролль. – А может, не надо..." Он раздумывал, надо ли ему еще немножко притворяться больным – пусть за ним поухаживают. Но потом решил, что будет еще интереснее позаботиться о маме, развлечь ее. Тогда он вышел на кухню и сказал:

– Пойдем, я покажу тебе снег.

Мама тотчас же бросила мыть посуду, и они вышли на солнце.

– Снега осталось не так уж много, – объяснил Муми-тролль. – Но ты бы видела, сколько его зимой! Весь дом был завален сугробами! Можно было провалиться до самого носа. Понимаешь, снежинки падают с неба, словно маленькие-премаленькие холодные звездочки, а наверху, в черном небе, висят голубые и зеленые занавески, которые так и колышутся.

– Как красиво! – сказала мама.

– Да, а потом можно еще кататься по снегу, – продолжал Муми-тролль. – Это называется – кататься на лыжах. Съезжаешь прямо вниз, как молния, в огромном облаке снега, и если быть невнимательным, можно даже разбиться насмерть!

– Что ты говоришь?! – удивилась мама. – И для этого-то пользуются подносами?

– Нет, на них лучше кататься по льду, – обиженно пробормотал глубоко задетый Муми-тролль.

– Подумать только, подумать только, – сказала мама, шурясь от солнца. – Жизнь все-таки по-настоящему волшебная. Думаешь, что серебряный поднос годится только для одного дела, а оказывается, для чего-то другого он еще удобнее. И все мне твердили: "Незачем варить столько варенья", – а оказалось, что оно все съедено.

Муми-тролль покраснел.

– Мю рассказала тебе... – начал он.

– Конечно, – сказала мама. – Спасибо! Хорошо, что ты позаботился о гостях, так что мне не пришлось краснеть за тебя. И знаешь, дом стал теперь гораздо просторней без всех этих ковров и безделушек. Кроме того, не придется так часто убирать.

Взяв немного снега, мама слепила снежок. Она бросила его, как обычно это делают мамы, довольно неуклюже, и он – бац! – плюхнулся неподалеку от них.

– Вот так так! – рассмеялась мама. – Юнк и то сделал бы лучше.

– Мама, я ужасно тебя люблю, – признался Мумитролль.

Они медленно двинулись дальше по склону к мосту, но в почтовом ящике было пусто, письма еще не пришли. Длинные вечерние тени ложились на долину, и повсюду царили мир и удивительная тишина.

Мама села на перила моста и сказала:

– А теперь наконец я хочу чуточку больше услышать о нашем предке.

На другой день все семейство разом проснулось. И проснулось точно так же, как просыпалось всегда с наступлением весны, – от громких и веселых звуков шарманки.

Туу-тики в своей вывернутой наизнанку небесноголубой шапочке стояла под весенней капелью и вертела ручку шарманки, а небо было таким же голубым, как ее шапочка. И солнце отвечивало в серебряной оковке шарманки.

Рядом с Туу-тики сидела малышка Мю – ужасно гордая, но к гордости ее примешивалась и доля смущения, потому что она собственными лапками пыталась заштопать грелку кофейника и начистила серебряный поднос песком. Ни грелка, ни поднос нисколько лучше от этого не стали, но, быть может, добрые намерения важнее результата.

Далеко-далеко на холме брела сонная Мюмла, тащившая за собой ковер из гостиной, на котором она проспала всю зиму. Сегодня весна решила быть не столько поэтичной, сколько шумной и веселой. Она выпустила в небо стайку беспорядочных редких облачков, она

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

смела последний снег с крыш, она разрисовала повсюду холмы – словом, весна вовсю играла в апрель.

– Я проснулась! – полная радостного ожидания, воскликнула фрекен Снорк.

Дружески потеревшись мордочкой о ее носик, Муми-тролль сказал:

– Счастливой весны!

А сам тут же задумался: сможет ли он когда-нибудь рассказать ей про свою зиму так, чтобы она все поняла?

Он увидел, как фрекен Снорк побежала к шкафу, чтобы вытащить оттуда зеленую весеннюю шляпу.

Он увидел, как его папа, взяв анеометр и лопату, выходит на веранду.

Туу-тики без усталости играли на шарманке, а солнечные лучи струились в долину, словно силы природы просили прощения за то, что еще совсем недавно были так недружелюбны к своим собственным созданиям.

"Сегодня должен прийти Снусмумрик, – подумал Муми-тролль. – Сегодня очень подходящий день для возвращения".

Стоя тихонько на веранде, он видел, как суетится на холме все его семейство, окончательно проснувшееся и, как всегда, радостное.

Он поймал взгляд Туу-тики. Доиграв вальс до конца, она засмеялась и сказала:

– Ну, теперь купальня свободна!

– Я думаю, что единственно, кто и дальше может жить в купальне, это сама Туу-тики, – сказала Муми-мама. – Да и, кроме того, иметь купальню – буржуазный предрассудок. А плавки и купальники можно с таким же успехом надевать прямо на пляже.

– Большое спасибо, – сказала Туу-тики. – Я подумаю.

И, продолжая играть на шарманке, она отправилась дальше в долину, чтобы разбудить всех спящих малышей.

А фрекен Снорк меж тем нашла первый росток крокуса. Он пробился на волю из теплого клочка земли под окном на южной стороне и еще даже не зазеленел.

– На ночь мы прикроем его стаканом, – сказала фрекен Снорк, – чтобы он не погиб ночью, когда станет холодно.

– Не надо, – рассердился Муми-тролль. – Пусть справляется собственными силами. Я думаю, он вырастет крепче, если ему придется трудновато!

Внезапно Муми-троллю стало так радостно, что ему захотелось остаться одному, и он медленно поплелся к дровяному сараю.

И когда никто уже не мог его видеть, Муми-тролль пустился бежать. Он бежал по тающему снегу, а солнце жгло ему спину. Он бежал только потому, что был счастлив и вообще ни о чем не думал.

Он добежал до самого берега, выбежал на причал и промчался через пустую купальню, где гулял ветер.

Потом он уселся на крутую лесенку купальни, к которой подкатывали волны весеннего моря.

Сюда уже едва доносились звуки шарманки, игравшей далеко-далеко в долине.

Муми-тролль закрыл глаза и попытался вспомнить, как это было, когда море, покрытое льдом, сливалось с темным небом.